Мужские тела, сексуальности и субъективности

Александрина Ваньке
Докторант, Школа социальных наук, Манчестерский университет (Великобритания); научный сотрудник, сектор исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Адрес: Arthur Lewis Bldg, Oxford Rd, M13 9PL Manchester, United Kingdom.
E-mail: a.vanke@postgrad.manchester.ac.uk.

Ключевые слова: мужчины; тело; сексуальность; синие воротнички; белые воротнички; труд; власть; эмоции; неравенство.

Углубление социального неравенства, которое автор связывает с глобальным распространением неолиберализма, усложняет систему властных отношений между мужскими телами и сексуальностями и ведет к дифференциации типов маскулинности. На материале 43 биографических интервью переосмысляются властные отношения внутри двух социально-профессиональных сред — так называемых синих и белых воротничков. Автор приходит к выводу, что через регулирование телесности сфера труда управляет эмоциональными отношениями и, как следствие, сексуальной жизнью мужчин из обеих групп. Наряду с этим режимы производственного и офисного труда генерируют разные логики управления мужской телесностью, которые воспроизводятся в приватной сфере и используются для создания мужской субъективности.

Основным ресурсом конституирования мужественности для рабочих служат физическая сила и умения, тогда как для офисных клерков — телесная репрезентация и перформанс. Следствием дифференциации в структуре труда становится неравенство возможностей создать «успешный» маскулинный субъект. Мужчины-рабочие называют себя «неудачниками», в то время как служащие считают себя «состоятельными», хотя и те и другие в равной степени выступают объектами эксплуатации. Телесный труд рабочего отчуждается в процессе управления телами на производстве, тогда как тело офисного клерка коммодифицируется и превращается в знак в системе символического обмена. Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о размывании средовых границ и ослаблении классового сознания, что позволяет мужчинам — рабочим и офисным служащим — применять сходные сексуальные стратегии, различающиеся лишь по форме и стилю. Маскулинная субъективность синих и белых воротничков включает одни и те же компоненты традиционной, либеральной и новой мужественности, которые отличаются по способам и формам выражения.

Усиление социального неравенства в современных обществах, запущенное интенсивными процессами неолиберализации, и критика в адрес мужчин как господствующего класса приводят к необходимости переосмысления связей между маскулинностями, телами и сексуальностями в контексте социальной дифференциации. Несмотря на долгую историю *men's studies*, «мужчины» как социальные индивиды, группы и сконструированные категории остаются малоизученными[1], а отношения между мужчинами из разных социальных групп, их телами и сексуальностями — недостаточно исследованными[2]. Так, изучение множественной маскулинности, проявляющей себя, согласно Рейвин Коннелл, в сферах труда, власти и эмоциональных отношений (катексиса)[3], приобретает особое значение и позволяет осмыслить формы и способы создания мужской субъективности через аспекты телесности и сексуальности.

В данном случае я говорю о мужчинах, их телах и сексуальностях как о социально-сконструированных феноменах[4], которые одновременно являются и причиной, и результатом социальных процессов. Они создаются на микроуровне повседневных коммуникаций и интеракций[5], а также производятся на макроуровне социальных институтов, навязывающих нормативные образцы

1. *Hearn J.* Men of the World. Genders, Globalizations, Transnational Times. L.: Sage, 2015. P. 4, 8.
2. *Зайдлер В. Е.* Маскулинности, тела и эмоциональная жизнь // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 85.
3. *Коннелл Р.* Основные структуры: труд, власть, катексис // Гендерная социология. Хрестоматия по курсу / Под ред. И. Н. Тартаковской. М.: Вариант, 2005. С. 287–319; *Тартаковская И. Н.* Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннелла // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 5–23.
4. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 9–33.
5. *Connell R. W.* Masculinities. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 45.

гендерного поведения[6]. Примером может послужить трансляция модели гегемонной маскулинности — конфигурации гендерных практик, легитимирующей доминирование мужчин над женщинами, а также оправдывающей неравное распределение власти между самими мужчинами[7]. Это означает по меньшей мере то, что маскулинности — и принимающие их мужчины — могут находиться в отношениях господства и подчинения, доминирования и субординации, сотрудничества и соперничества, занимая различные положения в социальной иерархии[8].

Вместе с тем социальное определение мужчин как обладателей власти подразумевает не только телесные образы, идеализации и фантазии, но также телесные навыки, формы и положения[9]. Вслед за Джеффом Хирном я полагаю, что гендер и сексуальность тесно переплетены друг с другом и что режим труда с множественным комплексом технологий оказывает воздействие на восприятие мужчинами гендера и сексуальности[10]. Мужская сексуальность конституируется в точке схождения серий знания и власти. С одной стороны, она имеет дискурсивную природу, с другой — подчинена тонким механизмам телесно-практического дисциплинирования[11]. Как пишет Хирн, сексуальность — это не отдельный феномен, а набор социальных феноменов, связанный определенными отношениями с другими феноменами, опытами и неравенствами, который следует рассматривать с точки зрения класса, гендера, расы, телесности и других параметров[12]. Связь между телом и сексуальностью амбивалентна — она возникает при переходе от дискурса к социальной практике и наоборот. Другими словами, отношение между маскулинной телесностью и сексуальностью возникает на уровне дискурсивной прак-

6. *Hearn J.* From Hegemonic Masculinity to the Hegemony of Men // Feminist Theory. 2004. Vol. 1. № 5. P. 57.
7. *Idem.* Men of the World. P. 14.
8. *Connell R. W.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 37.
9. Ibid. P. 86.
10. *Hearn J.* Men of the World. P. 6, 174.
11. Подробнее о понятии сексуальности см.: *Фуко М.* Воля к знанию. История сексуальности. Т. I // Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум; Касталь, 1996; *Рыклин М.* Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // Логос. 1994. № 5 (5). С. 196–206.
12. *Hearn J.* Sexualities Future, Present, Past… Towards Transsectionalities // Sexualities. 2008. Vol. 1–2. № 11. P. 37.

тики, которая служит переходным моментом — переключателем между областями дискурсов и практик.

В своей книге «Гендер и власть» Коннелл пишет:

> Физический смысл мужественности — непростая вещь. Она включает размер и форму, привычные позы и движения, наличие определенных физических навыков и отсутствие других, образ чьего-то тела, способ, которым оно представляется другим, и способы, которыми другие отвечают ему, способ, которым оно действует на работе и в сексуальных отношениях[13].

Так, замысел исследования, результаты которого излагаются ниже, основан на сопоставлении рассказов мужчин рабочих и офисных специальностей о теле на работе и в сфере сексуальных отношений, то есть в структурах труда и катексиса. Структура власти реконструируется в процессе выявления неравных социальных отношений между синими и белыми воротничками, чьи маскулинности, тела и сексуальности дифференцированны.

В статье я проверяю предположение о том, что структура труда через гендеризированную телесность управляет сексуальностью мужчины, создавая за счет неравномерного распределения ресурсов и власти разнообразные типы мужественности, которые находятся в разных властных отношениях. Для этой проверки проводится анализ 43 биографических интервью продолжительностью от 40 до 150 минут с 40 мужчинами в возрасте от 20 до 55 лет, занятыми физическим или нематериальным трудом, проживающими в Москве или Санкт-Петербурге. Двое мужчин из выборки были опрошены дважды в ходе эксперимента, посвященного изучению эффектов гендера и возраста интервьюируемого при исследовании мужской телесности и сексуальности.

Мужские тела в сфере труда

Понятие синих и белых воротничков[14] отсылает к разным типам занятости и, как следствие, к разным способам использования мужского тела на работе[15]. К синим воротничкам относят представителей рабочих профессий, занятых физическим трудом.

13. *Connell R. W.* Gender and Power. P. 84.
14. *Surbhi S.* Difference Between Blue Collar and White Collar // Key Diffrences. 14.09.2015. URL: http://keydifferences.com/difference-between-blue-collar-and-white-collar.html.
15. *Wolkowitz C.* Bodies at Work. L.: Sage, 2006.

Эти сферы трудовой деятельности предполагают сдельную или почасовую оплату труда, использование физических сил и ношение специальной одежды, как правило, темного или синего цвета, на которой незаметна грязь, появившаяся в результате производственных операций. Белыми воротничками называют наемных работников — специалистов в какой-либо области, занятых нематериальным трудом, чья деятельность сопряжена с администрированием, управлением и организацией процессов в государственных учреждениях, частных корпорациях и фирмах. В этих сферах заработная плата становится вознаграждением за умственный труд, перформанс и управление впечатлениями других, поэтому офисным служащим предписывается ношение светлой одежды, например белой рубашки для мужчин и белой блузки для женщин.

Тяжелый физический труд синих воротничков традиционно маркируется как «мужской». Этот вид труда требует физической силы, выносливости, ловкости, квалификации, умений и групповой солидарности[16]. Он сопряжен с подвижностью, уязвимостью и изнашиванием тела, нанесением ему ущерба. В режиме ручного труда при взаимодействии с машинами — станком, конвейером, сварочным аппаратом — тело рабочего инструментализируется[17]. Оно наряду с навыками и умениями служит основным источником заработка и ресурсом для поддержания классической мужественности. Согласно Михаэлю Мойзеру, Корнелии Бенке и Елене Мещеркиной, типичные рабочие воспринимают свою маскулинность прагматично[18]. Однако в своем исследовании я обнаруживаю в среде молодых рабочих и другие, не-прагматичные стратегии создания мужской субъективности. Наряду с этим телесность мужчин — синих воротничков — регулируется с помощью норм и тонких процедур менеджмента, она отчуждается владельцами производства — представителями господствующего класса.

В подтверждение приведу выдержку из интервью с водителем погрузчика на петербургском заводе. Она иллюстрирует тезис о тяжелом физическом труде как абсолютно мужской сфере.

16. *Connell R. W.* Gender and Power. P. 58.
17. *Wolkowitz C.* Op. cit. P. 55.
18. *Behnke K., Meuser M.* Geschlechterforschung und qualitative Methoden. Opladen: Leske + Bundrich, 1999. S. 61–62; *Мещеркина Е. Ю.* Как муже-бытие определяет муже-сознание: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: НЛО, 2002. С. 268–287.

Тем не менее подобная логика допускает наличие женщин на производстве, но только если они заняты другими видами ручного труда.

> Интервьюер: …у тебя в подчинении в основном мужчины?
> Респондент (30 лет, водитель погрузчика, начальник смены, завод по производству кузовных деталей, Санкт-Петербург, 04.11.2010): Только мужчины. Потому что тяжело. Да и нечего там девушкам делать.
> И.: То есть это чисто мужская работа?
> Р.: Ну, вот у меня на складе да. Хотя на самом заводе операторы сварочных станков есть и девушки… С точки зрения физики по законодательству, по КЗОТам и ГОСТам, девушка за день не должна поднимать… по-моему, больше семи с половиной килограмм на работе. У парней — пятнадцать.

Исключение женщин из «мужского» пространства открывает возможность для утверждения гегемонной маскулинности, навязывающей традиционные представления о гендерном разделении труда и основанной на использовании физической силы, которая в то же время регулируется нормами. Как пишет Коннелл, маскулинность промышленного труда, с одной стороны, испытывает классовую эксплуатацию, с другой стороны, выступает средством для оправдания превосходства мужчин над женщинами и, как следствие, способствует воспроизводству гендерного неравенства[19].

В противоположность этому в режиме офисного труда гендерно-дифференцирующим маркером служит наличие знаний в узкоспециализированных областях, например в сфере IT-технологий, владение этикетом, характерным для «мужских» бизнес-культур, или телесная репрезентация и представление себя другим через перформанс, например в сфере продаж. Режим офисного труда требует, чтобы белые воротнички уделяли внимание состоянию своего тела, внешнему виду и манерам поведения — делали вложения в свою телесность для достижения успеха. Таким образом, тело становится знаком[20] в цепочке символического обмена, который приносит прибыль и тем самым отчуждается в современных капиталистических обществах.

19. *Connell R. W.* Masculinities. P. 55.
20. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 167–168.

Для подтверждения этих тезисов приведу выдержку из интервью с маркетологом крупной российской компании, чья продукция пользуется успехом на мировом рынке:

> Респондент (37 лет, президент по стратегическому маркетингу, сфера IT, Москва, 28.12.2011):
> …есть такие плотные бизнес-культуры, в которых мне приходилось работать… где вообще большую роль играют совместные пьянки… походы в баню с продолжением, там крепкие дружеские похлопывания, поцелуи. Хотя мы говорим о гетеросексуальных мужчинах средних лет.

Как видно из этой цитаты, гегемонная маскулинность создается с помощью телесных репрезентаций и практик, маркированных как мужские за счет их воспроизводства в гомосоциальном пространстве[21], то есть в сугубо мужском сообществе, куда женщинам из той же социально-профессиональной среды вход воспрещен. Однако в этой же среде белых воротничков можно обнаружить и противоположные стратегии создания мужественности в процессе труда, что доказывает интервью с проектным менеджером из немецкой компании, имеющей представительство в России:

> Респондент (30 лет, проектный менеджер, сфера продаж, Москва, 24.01.2012):
> …большинство людей по работе, с которыми я общаюсь, — это мужчины… С мужчинами сложнее. Например, если начальник какого-нибудь отдела женщина, ей пятьдесят — вопросов нет, что угодно, потому что женщины не взрослеют. А вот если мужику пятьдесят, пойти с ним в баню, выпить водки, снять шлюх — извините, нет. Это не мое. И контакт как-то не идет (*смеется*).

С одной стороны, высказывание демонстрирует, что мужчина склонен не воспроизводить гегемонную модель, а создавать мужественность нового типа, для которой характерны внимательность, умение нравиться, создавать приятное впечатление и в то же время способность быть убедительным, о чем он рассказывает дальше в интервью. В данном случае можно было бы говорить об ориентации на эгалитарную модель отношений между женщинами и мужчинами в среде офисных служащих. С другой стороны, выражение «снять шлюх» вписывается в логику гегемон-

21. *Мещеркина Е. Ю.* Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 20–21.

ной маскулинности, символически снижая статус секс-работниц и оправдывая неравное распределение власти между женщинами и мужчинами.

Дискурсивные различия в рассказах синих и белых воротничков о теле на работе могут быть описаны с помощью структурных оппозиций статика/динамика, подвижность/неподвижность, работа руками/работа головой. Рабочие в интервью нарративизируют свое тело в режиме труда как активное и живое, при этом испытывающее боль от травм и перегрузок. Все эти черты присущи телу как действующему субъекту и самодостаточной сущности, способной на акты групповой солидарности. Телесные навыки, компетенции, сила и сноровка являются основным источником заработной платы синих воротничков. В то же время офисные служащие рассказывают о теле на работе как о пассивном и безжизненном объекте, которое, по словам респондентов, не ощущается, так как пристегнуто проводом мыши к офисному стулу, как ремнем к креслу в салоне самолета.

Основным источником заработка белых воротничков становится умственная деятельность, о чем они рассказывают в интервью. Нередко в их высказываниях о работе присутствуют отсылки к таким категориям, как «голова», «мозг» или «ум», которые приносят доход и требуют заботы. Подтверждает эту мысль следующая выдержка из интервью с молодым мужчиной — заместителем начальника управления в крупной российской энергетической компании:

> Респондент (27 лет, внутренний аудитор, заместитель начальника управления, сфера энергетики, Москва, 28.06.2011):
> Моя основная работа — это мозговая деятельность, поэтому всегда стараюсь голову держать в трезвом рассудке, в тепле. Потому что моя голова — это моя дальнейшая жизнь. Естественно, к ней нужно относиться как к моему основному источнику заработка — относиться уважительно, с любовью, с теплотой и т. д.

Рассказывая о своем теле в режиме труда, респондент несколько раз на протяжении интервью акцентирует внимание на мозговой деятельности как телесной активности и основном залоге своего профессионального и материального успеха. «Трезвый рассудок» становится гарантом успешного будущего. Рациональный подход к жизни, контроль над выражением эмоций и тщательное планирование, осуществляемое на работе, открывают возможности высокого заработка и расширенного набора потребительских и досуговых практик. В случае же синих воротничков

категория «мозг» возникает в контексте отчуждения телесного труда рабочих. Отношение к синим воротничкам со стороны руководства предприятия как к неразличимой «массе», у которой отсутствуют «мозги»[22], свидетельствует о проявлении классового превосходства, неравном распределении власти и стремлении управленцев извлечь максимальную прибыль за счет сверхэксплуатации телесности рабочих. Другой пример — ситуация, когда категория «мозг» появляется в рассказах мужчин-рабочих, и это связано с доведением ими трудовых операций до автоматизма: «…с точки зрения тела у тебя оно уже работает на автомате, то есть мозг не думает практически…» (29 лет, промышленный альпинист, Санкт-Петербург, 03.11.2010). В данном случае можно говорить о телесных навыках и вписанном в тело знании[23], которое усваивается практически через обучение и приобретение опыта.

Для сравнения способов нарративизации телесности среди синих и белых воротничков приведу ответы молодых мужчин на вопрос о том, как тело ощущает себя на работе и что оно делает. Их высказывания наглядно показывают разницу при описании телесности в режимах производительного и офисного труда.

> Интервьюер: А как себя тело ощущает на работе? Что делает именно тело?..
> Респондент (32 года, бетонщик, стройка, Москва, 05.02.2011): Ну, мы армируем, опалубку ставим, заливаем бетон… ну, чувствую хорошо. Днем в основном заливаем, чтоб удобнее было видно, чтоб все правильно, все строго, чтобы не было там нюансов никаких. Хорошо чувствую. Я уже давно работаю. Лет семь.

> Интервьюер: Как себя тело в офисе ощущает? Что оно делает?
> Респондент (24 года, маркетолог, сфера IT, Москва, 09.09.2011): Сидит. Мы сидим в общей комнате. У нас там девять человек… Соответственно, делаешь что-то, сидишь, но в основном двигаются пальцы, по клавиатуре стучат, и рука мышью двигает, и время проходит достаточно незаметно.

22. Эта аналогия взята из интервью с 33-летним слесарем механосборочных работ с петербургского завода по производству автомобилей (проведено 19.04.2011).
23. Подробнее о телесном знании см.: *Keller R., Meuser M.* Wissen des Körpers — Wissen vom Körper. Körper- und wissenssoziologische Erkundungen // Körperwissen / R. Keller, M. Meuser (Hg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. S. 9–30.

Бетонщик описывает свою телесность с помощью глаголов, обозначающих активные действия, связанные с возведением строительных конструкций: «армируем… заливаем бетон». В то время как маркетолог, также используя глаголы в своем рассказе, дает понять, что в работе он задействует только некоторые части своего тела, осуществляя движения пальцами рук. Так, в первом случае показан режим «ручного труда», требующий приложения мужской силы, а во втором случае — режим «сидячей работы», которая не предполагает физических усилий.

Высказывание офисного клерка «делаешь что-то, сидишь… и время проходит достаточно незаметно» наталкивает на мысль о том, что он не слишком озабочен результатом своей трудовой деятельности. Рабочий же акцентирует внимание на том, что он отвечает за результат своего труда и выполняет работу качественно: «…все правильно, все строго, чтобы не было там нюансов никаких». Если офисный служащий не замечает времени в пространстве *open space*, то строитель соотносит свою работу со световым днем в пространстве *open air*. Тем не менее ни в первом, ни во втором высказывании мужчины не проблематизируют свою телесность в режимах труда с точки зрения гендерной принадлежности, хотя в контексте стройки речь идет о мужском коллективе, а в случае офиса мы имеем дело со смешанным коллективом, состоящим из женщин и мужчин. Рефлексия по поводу гендера начинается при обсуждении темы сексуальности и эмоциональных отношений.

Мужские сексуальности в сфере эмоциональных отношений

Следует отметить, что тема мужской сексуальности более подробно раскрывалась в интервью с молодыми мужчинами в возрасте от 20 до 35–37 лет, которые охотно говорили о своем теле, чувствах и удовольствиях в контексте сексуальных отношений вне зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Мужчины в возрасте от 40 до 55 лет в большинстве случаев при обсуждении вопросов сексуальной жизни испытывали неудобство и демонстрировали модель традиционной мужественности, которая не предполагает свободного выражения эмоций мужчиной[24]. По этой причине далее сравнение будет построено на дис-

24. *Зайдлер В. Е.* Указ. соч.

курсивном анализе высказываний о сексуальности молодых мужчин — рабочих и клерков. Все опрошенные мужчины, за исключением одного офисного служащего, определили свою ориентацию как гетеросексуальную, поэтому в данном разделе я сосредоточусь по большей части на сексуальности гетеросексуальных мужчин. Однако для более полного анализа неравных властных отношений между разными типами мужественности нельзя не учитывать гомосексуальную маскулинность.

Как я показала в предыдущем разделе, мужчины — офисные служащие — склонны к ежедневному планированию, контролю и управлению собой и другими, своим временем, телесностью и впечатлениями в режиме офисного труда. Неосознанно они переносят эти схемы[25] на приватную сферу и, соответственно, воспроизводят их в сексуальной жизни, которая, по мнению некоторых респондентов, требует упорядоченности в любом возрасте:

> Респондент (37 лет, президент по стратегическому маркетингу, сфера IT, Москва, 28.12.2011):
> Вещи, связанные с сексуальным удовольствием, они тоже планируются. Невозможно просто так в любой момент. Может, когда мне было восемнадцать лет, у меня было другое к этому отношение, ну, двадцать. Но и тогда я много работал. Не погружая вас в особенности моей личной жизни тогда… если коротко, то она тоже требовала некоторой организации.

Эти слова указывают на то, что режим офисного труда с присущими ему стратегиями долгосрочного планирования, проектирования и высчитывания рисков упорядочивает и сексуальную жизнь мужчины, снижая риски в процессе получения телесных и сексуальных удовольствий за счет контроля: «…это вещи, которые я планирую и контролирую, то есть они не происходят абсолютно спонтанно…»

Напротив, режим физического труда с нестабильной заработной платой и внешней регуляцией мужских тел, подчиненных производственным циклам или сезонной работе, делает приват-

25. В данном случае речь идет о ментальных и телесных схемах в понимании Пьера Бурдьё и Мориса Мерло-Понти. Согласно Мерло-Понти, «телесная схема» является «итогом нашего телесного опыта», она формируется в процессе воспитания в детстве и срастается с организмом, но вместе с этим она динамична и подвержена изменениям на протяжении жизни. Подробнее об этом см.: *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 135, 138.

ную сферу мужчин — синих воротничков — менее организованной и открывает возможность для спонтанности, беспорядочных сексуальных связей и/или нестабильной сексуальной жизни. Дискурсивная связь между истощением тела на работе и сексуальными проблемами мужчин-рабочих прослеживается в двух интервью из двадцати[26]. Однако для выявления связи между сферой труда и катексиса через «мужское тело» я хотела бы привести другое — более позитивное — высказывание начальника смены на петербургском заводе:

> Респондент (30 лет, водитель погрузчика, начальник смены, завод по производству кузовных деталей, Санкт-Петербург, 04.11.2010):
> Мужское тело — штука удобная, практичная… и создано для труда. Подраться, естественно, повоевать, и в какие-то моменты можно сделать приятно девушке (*пауза*).

Мужское тело, предназначенное, по словам рабочего, для труда, утверждает себя в драках и сексе, конституируя посредством перечисленных телесных практик гетеросексуальную мужскую субъективность, которой не чужда забота о наслаждении и удовольствии партнерши. В этом смысле забота о женском удовольствии отличает данный тип от гегемонной маскулинности и позволяет говорить о мужественности, соединяющей в себе черты разных гендерных моделей: традиционной («подраться», «повоевать») и либеральной («сделать приятно девушке»)[27].

В случае белых воротничков также прослеживается перенос в сферу катексиса логики достижения, которая порождается неолиберальной идеологией и заставляет мужчин конкурировать друг с другом. Логика достижения соотносится с гедонистической сексуальной стратегией, цель которой — получить наибольшее удовольствие от секса. В подтверждение этих тезисов приведу цитату из интервью с молодым журналистом:

26. Более подробно о нестабильной сексуальности рабочих см.: *Ваньке А. В.* Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 1. С. 60–83.
27. О смешанном типе мужественности см. доклад Ирины Костериной «Миксы маскулинности в биографиях молодых мужчин», представленный на конференции «Трансформации маскулинности в XXI веке: вызовы, нормативные ожидания, статусные противоречия», прошедшей в Москве 11–15 июля 2011 года.

> Респондент (25 лет, журналист, Санкт-Петербург, 28.01.2010): Если переходить ближе к концу школы, то это, конечно, первый секс… Девушка была чуть старше меня. Это был такой *achievement*, такое достижение, которое связано с тем, что я осознал себя не просто как такое существо… то ли главное удовольствие в этой жизни, то ли главный ее смысл, то ли что-то еще. Ну и с тех пор, со времен своего первого сексуального контакта, я начал обращать на телесность огромное внимание.

Первый сексуальный акт с женщиной старше себя кодифицируется в данном случае как «достижение», позволившее респонденту утвердить себя как мужчину. Для демонстрации своей мужской состоятельности в дальнейшей жизни он осуществляет значительные инвестиции в свое тело — прикладывает множество усилий, чтобы быть привлекательным: делает маникюр, посещает студию загара, использует косметические средства, бреет разные части тела. С помощью этих практик конституируется метеросексуальная маскулинность, для которой характерны нарциссические наклонности и пристальное внимание к своему внешнему виду. В этом ряду практик секс становится средством реализации себя и достижения мужского успеха, о чем свидетельствует следующая цитата:

> Респондент (25 лет, журналист, Санкт-Петербург, 28.01.2010): Ну, конечно, главная форма телесная своей собственной реализации — это секс. Я люблю секс. Стараюсь проявлять себя в нем должным образом. Для меня это одна из форм своего собственного самовыражения. Ну, опять же самовыражение своей собственной успешности.

Высказывание строится вокруг наслаждения мужчины — говорящего субъекта, который сосредоточен на собственном телесном удовольствии. Речи об удовольствии партнерши здесь не идет. Секс служит для этого мужчины формой, а не процессом — формой самовыражения, которую он любит.

Категория «достижения» присутствует и в высказываниях синих воротничков. Но возникает она в другом контексте, связанном с соблазнением женщин любыми способами, получением согласия и максимального удовольствия от сексуальных контактов со случайными партнершами без проявления эмоциональности:

> Респондент (31 год, оператор-наладчик на конвейерной линии, завод по производству шин, Санкт-Петербург, 18.04.2011):

…слушай, подлец вообще. Просто жесть (*говорит без сожаления и раскаяния*). Не, приходится там кормить какими-то обещаниями, еще что-то там, обмениваться телефоном, давать левый номер вообще, чтобы не дай бог не позвонила, чтоб не спалиться дома с женой. Ну, на что фантазии хватит пьяному, то и лепишь. Цель только одна — достигнуть своего, а все остальное уже по барабану.

Данная сексуальная стратегия также относится к числу гедонистических[28]. Она направлена на получение мужчиной максимального телесного удовольствия с минимальными эмоциональными затратами, а также на удовлетворение, по словам респондента, животных потребностей. С помощью адюльтера и случайных сексуальных связей мой собеседник конституирует мужественность «плохого парня»[29], который спокойно говорит о своем эгоизме: «Просто я себя люблю. Эгоист».

В этом смысле не удивительно, что и нарциссический «метеросексуал», и эгоистичный «плохой парень» сравнивают себя с хищниками. В первом случае это выражается в самолюбовании:

Респондент (25 лет, журналист, Санкт-Петербург, 28.01.2010):
Я чувствую себя своеобразным хищником… Ну, такой гепард не гепард, лев не лев, ну, такой, что называется, поджарый либо волк, либо ястреб, либо орел. Перышко к перышку, бью точно в цель, никогда не промахиваюсь.

Во втором случае это проявляется в виде разговоров о «животных инстинктах» и поисках потенциальной сексуальной «жертвы»:

28. Анна Тёмкина в своих работах вводит понятие сексуальных сценариев, которые она классифицирует при изучении женской сексуальности, выделяя достижительный, гедонистический, романтический и другие сценарии. Подробнее об этом см.: *Тёмкина А. А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУСПб, 2008. В своем исследовании я использую понятие сексуальной стратегии, под которой понимаю набор устойчивых социальных практик (в смысле Пьера Бурдьё), направленных на конституирование гендеризированной сексуальности.
29. О популярном образе «плохого парня» см. доклад Маркоса Кастро-Сандуа и Ливиу Мара *Passion and gender equality: the New Alternative Masculinities (NAM) transforming the traditional model of sexual-affective relationships*, представленный на секции *Constructions of Masculinities* 12-й конференции Европейской социологической ассоциации *Differences, Inequalities and Sociological Imagination*, прошедшей в Праге 25–28 августа 2015 года.

Респондент (31 год, оператор-наладчик на конвейерной линии, завод по производству шин, Санкт-Петербург, 18.04.2011):
В Питере в свои тридцать один я все равно высматриваю себе жертву… Ну, жертву на ночь… Сначала я себе ищу подходящий вариант, потом его обрабатываю.

Эти примеры показывают, что мужчины — и белые, и синие воротнички — используют схожие сексуальные стратегии при утверждении мужской субъективности. Однако посредством одной и той же сексуальной стратегии можно создавать маскулинность разных форм: от «метеросексуала» до «плохого парня», от «мачо» до «сексуального гуру», — навязываемых популярными мужскими журналами[30].

Вместе с тем в ходе исследования я обнаруживаю и сексуальные стратегии конституирования новой мужской субъективности, для которой в равной степени значимы и страсть, и любовь. Они позволяют создавать мужественность, отличающуюся как от гегемонной маскулинности, так и от моделей «метеросексуала», «плохого парня» или «мачо». Стратегии данного типа воспроизводятся мужчинами из среды как синих, так и белых воротничков, которые склонны к эгалитарным отношениям. Для сравнения приведу две цитаты, принадлежащие офисному служащему и рабочему, которые демонстрируют паттерны новой маскулинности[31].

Респондент (30 лет, проектный менеджер, сфера продаж, Москва, 24.01.2012):
Эмоции, чувства и (*пауза*) душевная близость или духовная [на первом плане]. А удовольствие вторично, потому что, если откинуть все вышесказанное и оставить только тело, это будет все равно что мастурбация в одиночестве. Но это как-то безвкусно, это как физкультура. И то физкультура даже как-то больше удовольствия приносит. А здесь какое-то чувство опустошения. Потому что чувства все равно не откинешь. И я думаю, что в сексе важен обмен. Потому что, скажем так, встретиться с классной девушкой, которая нравится тебе внешне очень сильно, от-

30. *Ваньке А. В.* Мужская сексуальность в дискурсе журнала Men's Health // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2011. С. 178–209.
31. *Castro-Sandúa M., Mara L. C.* The Social Nature of Attractiveness: How to Shift Attraction from the Dominant Traditional to Alternative Masculinities // International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 3. № 2. P. 182–206.

трахать ее, как мачо, и сказать: о, я крут, мне хорошо — ну, это не мое. Потому что наибольшее удовольствие — это когда достигаешь пика вместе… Ну, то есть я не думаю, что это сложно, по крайней мере из своего опыта. И делать наоборот мне не нравится.

Респондент (29 лет, промышленный альпинист, Санкт-Петербург, 03.11.2010):
Знаешь… если брать именно сам секс… и то важно… и другое. Чтобы были какие-то определенные чувства. И иногда… может быть, эти чувства, знаешь, вот они как спичка — загорелась, и вот осталось чуть-чуть. Главное — поймать этот момент, что вот сейчас эти чувства есть, а они через пять минут закончатся. Вот они раз — вспыхнули. Сделали свое дело. Да? Там разошлись, и все замечательно. Главное, чтобы это было. Либо чувства, либо там внешность — не то совершенно. Чувствуется какое-то неудовлетворение, либо физическое, либо психологическое — одно из двух. А когда есть и то и другое… это совмещается, то есть ты себя всего отдаешь и получаешь полное моральное и физическое удовлетворение.

В этих цитатах акценты расставлены таким образом, что на первый план выходят эмоции и духовная составляющая партнерства, в то время как телесные и сексуальные удовольствия становятся вторичными, или же подчеркивается равная значимость и моральной, и физической составляющих близости. Секс без чувств, свойственный традиционной маскулинности, так же как и чувства без секса, характерные для «подавленной» маскулинности, воспринимаются в этой стратегии как отсутствие полноты и целостности. Новая маскулинность транслирует идеи взаимообмена и смены лидерства в гетеросексуальных отношениях. Сексуальность здесь не отделена от эмоциональности, а страсть соединяется с любовью. Мужчины с новой маскулинностью более гибки в общении и отношениях с женщинами. Они свободнее выражают эмоции и чувства, стремясь получить совместное наслаждение.

Несмотря на сходство в сексуальных стратегиях, с помощью которых синие и белые воротнички утверждают свою мужественность, все же существуют различия в формах, манерах и приемах соблазнения женщин, используемых рабочими и клерками. Если молодые офисные служащие воспринимают флирт как «ментальную битву» или азартную игру между мужчинами и женщинами, результатом которой необязательно должен стать секс, то классические молодые рабочие, особенно с маскулинностью «пло-

хого парня», воспринимают соблазнение прагматично: цель состоит в том, чтобы любыми способами склонить женщину к сексу. В этом смысле техники соблазнения клерков более изящные и элегантные, тогда как приемы рабочих более грубые и простые. Если основным ресурсом офисного служащего в процессе соблазнения служит «мозг»: «Это [флирт] как спорт для мозгов» (30 лет, проектный менеджер, сфера продаж, Москва, 24.01.2012), то для рабочего основным ресурсом становятся «тело» и «язык»: «В этот момент ресурс только один — это язык», «приболтать девушку в клубе большого ума не надо» (31 год, оператор-наладчик на конвейерной линии, завод по производству шин, Санкт-Петербург, 18.04.2011). Как видно из этих высказываний, при соблазнении женщин клерки и рабочие используют разные дискурсивные стратегии, в соответствии с которыми они действуют в режимах труда, перенося их на сферу эмоциональных отношений.

* * *

При рассмотрении выведенных типов мужественности и соотносящихся с ними дифференцированных телесностей и сексуальностей я прихожу к выводу о том, что неравенство маскулинностей становится результатом неравномерного распределения власти в системе труда. Этот феномен объясняется тем, что структура труда производит классовые и гендерные различия, предписывая мужчинам разного социального происхождения специальности синих или белых воротничков. Режимы производственного и нематериального труда регулируют функционирование режимов досуга и приватной сферы рабочих и офисных служащих, генерируя разные телесные и ментальные схемы[32]. Так, логики разорванных производственных циклов, нестабильного заработка и близкого горизонта планирования, порождаемые режимом физического труда, переносятся в приватную сферу и соотносятся с фрагментарной и нестабильной сексуальной жизнью молодых рабочих. Тогда как логики управления, расчета рисков и долгосрочного планирования из режима офисного труда также переносятся в структуру эмоциональных отношений и соотносятся с более упорядоченной сексуальной жизнью клерков.

Результатом неравенства в структуре труда становятся неравные шансы создать «успешный» маскулинный субъект для синих и белых воротничков в структуре катексиса. Различия между ти-

32. *Мерло-Понти М.* Указ. соч.

пичными мужчинами — синими и белыми воротничками — состоят в том, что первые даже при условии большого количества неупорядоченных сексуальных контактов кодифицируют себя как «неудачников», тогда как вторые даже в случае недостаточно активной сексуальной жизни воспринимают себя как «состоятельных» и иногда стремятся представить свой «успех» через телесное самовыражение и самопрезентацию. Подобная ситуация возникает в силу того, что синие и белые воротнички как представители социально-профессиональных групп имеют разное социальное положение и находятся в неравных властных отношениях подчинения и господства.

Тем не менее типы мужественности, порождаемые режимами производственного и офисного труда, нельзя однозначно разделить на две группы. В ходе исследования обнаруживаются гегемонная, либеральная и новая маскулинности, которым соответствуют образы «воина» и «мачо»/«метеросексуала» и «плохого парня»/«влюбленного романтика» и «страстного любовника». Как показывает исследование, одни и те же мужские типы и образы могут создавать как рабочие, так и клерки, но разными средствами. Данный феномен объясняется тем, что в современных капиталистических обществах границы между социальными средами размываются, а классовое сознание ослабевает. Несмотря на это, можно говорить о маскулинностях с присущими им классовыми и средовыми особенностями, которые влияют на формы и стили формирования маскулинной субъективности через гендеризированные телесные и сексуальные практики. Напомню, что ресурсом для создания маскулинности в среде рабочих служит физическая сила и умения, в то время как в среде клерков — телесная репрезентация. Тем не менее мужчины — синие и белые воротнички — прибегают к сходным сексуальным стратегиям утверждения своей мужественности. Однако формы этих стратегий и, как следствие, форматы маскулинностей разнятся в зависимости от ситуаций и контекстов. Отличие состоит в стилях и манерах поведения мужчин в процессе соблазнения и сексуального акта. Типичные рабочие используют более грубые и простые техники соблазна, тогда как офисные клерки склонны прибегать к более изящным и оригинальным способам обольщения, нацеленным на создание впечатлений.

Эти рассуждения приводят к заключению о том, что в контексте существования множества маскулинностей правильнее было бы говорить о смешанном типе, сочетающем разные модели гендерного поведения. Другими словами, мужская субъективность

синих воротничков включает измерения традиционной, либеральной и новой альтернативной маскулинности. В случае рабочих новая маскулинность характеризуется не только равнозначностью любви и страсти в сфере эмоциональных отношений, но и, как я показываю в других работах, стремлением к гражданской активности, проявлению групповой и интернациональной солидарности, участию в борьбе против господствующего класса, отчуждающего результаты телесного труда[33]. Мужская субъективность офисных служащих также сочетает элементы традиционной, либеральной и новой глобальной маскулинности. Однако у офисных клерков новая мужественность, формирующаяся в эгалитарных отношениях между мужчинами и женщинами из одной среды или класса, зачастую ориентирована на неолиберальную идеологию и предполагает выход на глобальный уровень. Например, работа в транснациональных корпорациях позволяет белым воротничкам создавать транснациональную мужественность, характеризующуюся трудовой активностью в контексте свободных перемещений по миру и электронных коммуникаций, сокращающих расстояния, а как следствие, установлением нового типа господства. Дальнейшее исследование маскулинностей нового типа с точки зрения нарождающихся телесно-дискурсивных и сексуальных практик, присущих разным социальным средам и классам, представляется весьма перспективным, а изучение дифференцированных мужских телесностей и сексуальностей в контекстах труда и эмоциональных отношений открывает новые возможности для критического переосмысления эффектов гендерного и социального неравенства.

33. Подробнее о протестной составляющей мужской субъективности рабочих см.: *Ваньке А. В.* Телесность мужчин рабочих профессий…

Библиография

Behnke K., Meuser M. Geschlechterforschung und qualitative Methoden. Opladen: Leske + Bundrich, 1999. S. 61–62.

Castro-Sandúa M., Mara L. C. The Social Nature of Attractiveness: How to Shift Attraction from the Dominant Traditional to Alternative Masculinities // International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 3. № 2. P. 182–206.

Connell R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices. Cambridge: Polity Press, 1987.

Connell R. W. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 2005.

Hearn J. From Hegemonic Masculinity to the Hegemony of Men // Feminist Theory. 2004. Vol. 1. № 5. P. 49–72.

Hearn J. Men of the World. Genders, Globalizations, Transnational Times. L.: Sage, 2015.

Hearn J. Sexualities Future, Present, Past… Towards Transsectionalities // Sexualities. 2008. Vol. 1–2. № 11. P. 37–46.

Keller R., Meuser M. Wissen des Körpers — Wissen vom Körper. Körper- und wissenssoziologische Erkundungen // Körperwissen / R. Keller, M. Meuser (Hg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. S. 9–30.

Surbhi S. Difference Between Blue Collar and White Collar // Key Diffrences. 14.09.2015. URL: http://keydifferences.com/difference-between-blue-collar-and-white-collar.html.

Wolkowitz C. Bodies at Work. L.: Sage, 2006.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.

Ваньке А. В. Мужская сексуальность в дискурсе журнала Men's Health // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Тёмкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 178–209.

Ваньке А. В. Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 1. С. 60–83.

Зайдлер В. Е. Маскулинности, тела и эмоциональная жизнь // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 85–95.

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Тёмкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 9–33.

Коннелл Р. Основные структуры: труд, власть, катексис // Гендерная социология. Хрестоматия по курсу / Под ред. И. Н. Тартаковской. М.: Вариант, 2005. С. 287–319.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.

Мещеркина Е. Ю. Как муже-бытие определяет муже-сознание: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: НЛО, 2002. С. 268–287.

Мещеркина Е. Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 15–25.

Рыклин М. Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // Логос. 1994. № 5 (5). С. 196–206.
Тартаковская И. Н. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннелла // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 5–23.
Тёмкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
Фуко М. Воля к знанию // Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 97–268.

MASCULINE BODIES, SEXUALITIES AND SUBJECTIVITIES

Alexandrina Vanke. Doctoral candidate, School of Social Sciences;
Research Fellow, Department of Qualitative Studies of Social Changes,
a.vanke@postgrad.manchester.ac.uk.
University of Manchester, Arthur Lewis Bldg, Oxford Rd, M13 9PL Manchester,
United Kingdom.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, 24/35 Krzhizhanovskogo str., Bldg 5,
117218 Moscow, Russia.

Keywords: men; body; sexuality; blue-collar; white-collar; labour; power; emotions; inequality.

The increase in social inequality, which the author attributes to the spread of neoliberalism around the world, complicates the system of power relations between men, their bodies and sexualities. This leads to a differentiation of masculinities. Forty-three biographical interviews are applied to a critical rethinking of the configuration of power relations among male blue-collar and white-collar workers. The author concludes that work guides emotional relationships and consequently regulates the sexual life of men from both social environments. In addition, the regimes of industrial and office work generate different logical manipulations of male corporeality, which are carried over into the private sphere and employed in structuring masculine subjectivity.

Physical skills and strength are the main factors on which blue-collar manual workers base their masculinity, while bodily representations and performance serve in that capacity for white-collar workers. This social differentiation in the structure of work results in uneven chances for creating a "successful" masculine subject. Male blue-collar workers call themselves "losers", while white-collar workers perceive themselves as "successful" even though men from both environments are exploited. The physical labour of a blue-collar worker is alienated by the process of corporeal management on the job, while the body of a white-collar office worker is commoditized and becomes a sign in the system of symbolic exchange. At the same time, the research shows that the boundaries between social environments are becoming blurred and class consciousness is weakening. This allows both blue-collar workers and white-collar workers to follow similar sexual strategies which differ only in form and style. The masculine subjectivities of blue-collar and white-collar workers include the very same structural components derived from the traditional, liberal and new versions of masculinity, which are distinct in the means and forms of their expression.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-85-105

References

Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniia. Ego mify i struktury* [La société de consommation: ses mythes et ses structures], Moscow, Respublika, Kul'turnaia revoliutsiia, 2006.

Behnke K., Meuser M. *Geschlechterforschung und qualitative Methoden,* Opladen, Leske + Bundrich, 1999, S. 61–62.

Castro-Sandúa M., Mara L. C. The Social Nature of Attractiveness: How to Shift Attraction from the Dominant Traditional to Alternative Masculinities. *International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences,* 2014, vol. 3, no. 2, pp. 182–206.

Connell R. Osnovnye struktury: trud, vlast‘, kateksis [Basic Structures: Labour, Power, and Cathexis]. *Gendernaia sotsiologiia. Khrestomatiia po kursu* [Sociology of Gender. An Anthology] (ed. I. N. Tartakovskaia), Moscow, Variant, 2005, pp. 287–319.
Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices,* Cambridge, Polity Press, 1987.
Connell R. W. *Masculinities,* Cambridge, Polity Press, 2005.
Foucault M. Volia k znaniiu [La volonté de savoir]. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality], Moscow, Magisterium, Kastal', 1996, pp. 97–268.
Hearn J. From Hegemonic Masculinity to the Hegemony of Men. *Feminist Theory,* 2004, vol. 1, no. 5, pp. 49–72.
Hearn J. *Men of the World. Genders, Globalizations, Transnational Times,* London, Sage, 2015.
Hearn J. Sexualities Future, Present, Past… Towards Transsectionalities. *Sexualities,* 2008, vol. 1–2, no. 11, pp. 37–46.
Keller R., Meuser M. Wissen des Körpers — Wissen vom Körper. Körper- und wissenssoziologische Erkundungen. *Körperwissen* (Hg. R. Keller, M. Meuser), Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011, S. 9–30.
Merleau-Ponty M. *Fenomenologiia vospriiatiia* [Phénoménologie de la perception], Saint Petersburg, Iuventa, Nauka, 1999.
Meshcherkina E. Iu. Kak muzhe-bytie opredeliaet muzhe-soznanie: opyt rekonstruktsii maskulinnoi identichnosti srednego i rabochego klassa [How Male-Being Defines Male-Consciousness: Reconstructing Masculine Identity of Middle and Working Classes]. *O muzhe(N)stvennosti* [On (Fe)maleness] (ed. S. Ushakin), Moscow, New Literary Observer, 2002, pp. 268–287.
Meshcherkina E. Iu. Sotsiologicheskaia kontseptualizatsiia maskulinnosti [Sociological Conceptualisation of Masculinity]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2003, no. 11, pp. 15–25.
Ryklin M. Seksual'nost‘ i vlast': antirepressivnaia gipoteza Mishelia Fuko [Sexuality and Power: Michel Foucault's Antirepressive Hypothesis]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 1994, no. 5 (5), pp. 196–206.
Surbhi S. Difference Between Blue Collar and White Collar. *Key Diffrences,* September 14, 2015. Available at: http://keydifferences.com/difference-between-blue-collar-and-white-collar.html.
Tartakovskaia I. N. Gendernaia teoriia kak teoriia praktik: podkhod Roberta Konnella [Gender Theory as a Theory of Practices: Robert Connell's Approach]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2007, no. 2, pp. 5–23.
Temkina A. A. *Seksual'naia zhizn' zhenshchiny: mezhdu podchineniem i svobodoi* [Sexual Life of Woman: Between Submission and Freedom], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008.
Vanke A. V. Muzhskaia seksual'nost‘ v diskurse zhurnala Men's Health [Male Sexuality in the Discourse of "Men's Health" Magazine]. *Zdorov'e i intimnaia zhizn': sotsiologicheskie podkhody* [Health and Intimacy: Sociological Approaches] (eds E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina), Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011, pp. 178–209.
Vanke A. V. Telesnost' muzhchin rabochikh professii v rezhimakh truda i privatnoi sfery [Blue-Collar Male Workers' Corporeality in the Regimes of Labour and

Private Life]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovanii [*Laboratorium. Journal of Sociological Studies], 2014, no. 1, pp. 60–83.
Wolkowitz C. *Bodies at Work,* London, Sage, 2006.
Zaidler V. E. Maskulinnosti, tela i emotsional'naia zhizn' [Masculinites, Bodies and Emotional Life]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2012, no. 11, pp. 85–95.
Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Sotsial'noe konstruirovanie gendera kak metodologiia feministskogo issledovaniia [Social Construction of Gender as a Methodology of Feminist Research]. *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian Gender Patterns: Sociological Approach] (eds E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina), Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007, pp. 9–33.